

ГРИЩЕНКО

Александр Игоревич

кандидат филологических наук

г. Москва

Московский педагогический
государственный университет

alexander@grishchenko.ru

РОЛЬ САМОНАЗВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РУССКИЕ, РОССИЯНЕ ИЛИ НЕЧТО ИНОЕ?

Как известно, любая идентичность, будь она гражданской, этнической, конфессиональной, профессиональной и проч., невозможна без самоназвания, в котором фиксируется единство покрываемой данной идентичностью группы. Привычное для дискурса современных российских СМИ слово россияне, имеющее довольно примечательную и поучительную историю, до сих пор не может быть окончательно признано в качестве единственного однословного наименования всех граждан России по ряду причин.

Прежде всего, слово россияне в основном чуждо российскому законодательству: оно не используется в Конституции, в кодексах, а из федеральных законов упомянуто лишь в одном — «О днях воинской славы и памятных датах России» (№ 32-ФЗ от 13 марта 1995 года в редакции Федерального закона № 320-ФЗ от 29 ноября 2010 г.) — как часть названия памятной даты «15 февраля — День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества». В источниках права более низкого уровня (подзаконных актах) слово россияне используется, но редко.

Из первых лиц государства пристрастие

питал к слову россияне лишь Б. Н. Ельцин, с чьим именем оно прочно ассоциируется, прежде всего в составе формулы Дорогие россияне, которая в популярном сборнике «крылатых слов» квалифицировано лишь как «обычное обращение к народу в радио и телевыступлениях (с начала 1990-х гг.)» [Душенко, 2005, с. 97], подробнее о нём см. нашу работу [Грищенко, 2014]. Особое внимание следует уделить тому, как часто используется или вовсе не используется это слово в качестве обращения ко всем гражданам России. Пожалуй, наиболее популярными и показательными здесь является несколько медийных жанров, например новогоднее обращение Президента и Прямая линия (с Владимиром Путиным). Так, Б. Н. Ельцин несколько раз использовал его в качестве обращения в новогодних посланиях: 30 декабря 1991 г., когда он обратился к народу ещё не с собственно новогодним поздравлением, а чтобы объявить о либерализации цен с начала нового года, а также накануне 1999 и 2000 гг., последним он также объявлял о своём уходе. Назначенный им исполняющий обязанности президента В. В. Путин в тот же вечер обратился к гражданам Дорогие друзья — и, по-видимому, до сих

пор не использует при обращении к ним слова россияне. В новогодних обращениях В. В. Путин всегда употребляет формулу Дорогие друзья, обычно к ней также прибавляется Уважаемые граждане России. Абсолютно так же обращался к гражданам Д. А. Медведев. Эта особенность обращений В. В. Путина уже подвергалась некоторой рефлексии:

Стилистика президентских выступлений за последние годы сильно изменилась. — В смысле? — Он всех в стране называет не «дорогими россиянами», а коллегами. — Вам бы все шуточки... (Александр Гамов. Замглавы администрации Президента России Джахан Поллыева: Ну и мысли у мужчин накануне 8 марта!//Комсомольская правда, 2004.03.05).

В программной статье В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» (Независимая газета, 23.01.2012) слово россияне (равно как и словосочетание российский народ) не употреблено ни разу. То же — и в стенограммах конференции Общероссийского народного фронта (29.03.2013, Ростов-на-Дону), тогда как слово россияне употребили несколько раз другие участники, и в 11 из 13 эфиров Прямой линии (2001–2003, 2005, 2006, 2008–2015). Только в ходе Прямых линий 18 октября 2007 и 17 апреля 2014 В. В. Путин употребил его всего несколько раз (дважды в 2007 г. и только единожды в 2014 г.), и то не в качестве обращения:

...от отношений между нашими странами напрямую зависит социальное самочувствие миллионов россиян и украинцев;

Мы никогда не сделаем город [Сочи] достойным местом отдыха россиян, если не решим там элементарные задачи с электроснабжением (Стенограмма Прямой линии с Владимиром Путиным, 18.10.2007)];

Мы не можем так подходить, понимаете, к организации отдыха россиян, поэтому это тоже будет требовать дополнительных капиталовложений (Стенограмма Прямой линии с Владимиром Путиным, 17.04.2014).

В современной русской речи слово россияне довольно часто вызывает крайне негативную реакцию говорящих и пишущих. Оценочных высказываний о нём в текстах Интернета (в блогосфере, социальных сетях, в сетевых изданиях и т. п.) встречается довольно много, причём почти все они — отрицательные. Вот лишь примеры из одного только проекта сетевого общественно-политического издания «Полит.ру» (<http://www.polit.ru/>):

К сожалению, потрепанное и скомпрометированное политическими склоками (да и не очень приятное языку — что-то есть в нем кислое, словно слабый ток лизнуть), слово «россиянин» набило оскомину и обросло негативными коннотациями (Владимир Ермаков. На злобу Дня национального единства, 05.11.2008);

А что такое «российская культура»? У меня понятие «российский» ассоциируется только с принадлежностью к российскому государству. А слово «россиянин» вообще вызывает рвоту (Вадим Гасанов. «Русский» или «россиянин»? 19.11.2008);

...начиная с какого-то времени нас всех стали называть «россиянами». И лично меня это немного того... Как железом по стеклу. Может, с непривычки. А, может, и есть тут что-то более неприятное (Константин Сутягин. Россия — для россиян? 17.12.2008).

Хотя слово россияне «по данным Интегрума, входит во вторую тысячу десятилетия списка частотных слов русского языка наряду с такими лексемами, как родина, нефтяной, читать, правоохранительный и др.» [Вепрева,

Купина, 2007, с. 124], нельзя сбрасывать со счетов этой негативной оценочности (те же авторы отмечают спад массовой неприязни по отношению к этому слову и выдвижение «на первый план восприятия денотативного, предметного содержания» и «угасание коннотативных оттенков значения» [Там же. С. 123]), особенно когда против слова россияне работает авторитет многих крупнейших деятелей культуры и науки.

Так, А. И. Солженицын недоумевал по этому поводу:

Сегодня — и особенно официально — пытаются внедрять термин «россияне». Смысловая клетка для такого слова есть, да, как соответствующая необходимому прилагательному «российский». Однако слова этого не услышишь ни в каком простом, естественном разговоре, оно оказалось безжизненно (Александр Солженицын. Россия в обвале, 1998).

О том же, но уже в исследовании о судьбе обоих слов писал и акад. О. Н. Трубачёв:

...оба слова россиянин и российский наделены отчетливой идеологической, политической установкой вытеснить, заменить слово русский. Довольно длительное время вытеснению русского, как известно, служило и великолепно использовалось советское. Сейчас это прошло, но русское восстанавливается (если восстанавливается вообще!) с большими, искусственно создаваемыми трудностями, и на сей раз препоны русскому возрождению чинятся весьма искусно с помощью ставших модными россиян и всего российского, вплоть до отдельных ведомственных предписаний употреблять российский вместо русский [Трубачев, 2005, с. 234].

Подобного рода семантическая конкуренция между терминами русские и россияне, в основе которой лежат всё-таки

представления о разных денотатах обоих слов, так или иначе восходит к конкуренции стилистической, когда оба были синонимами, различавшимися лишь сферой и частотой употребления и степенью торжественности. Самая ранняя фиксация слова россияне (тогда ещё с одной буквой «с» и с ударением на и, которое сместилось на суффикс только к концу XVIII в.) относится к началу XVI в., когда Максим Грек упомянул россиян (= русских) среди других православных славянских народов в послесловии к Беседам Иоанна Златоуста на Евангелия в рукописи 1524 г.: Максим инок святогорец от священная обители Ватопедскіа всѣм прочитати имѣющим священную сію книгу боголюбезным мужем, росіаном, сѣрбом и болгаром радоватися о Господи (РГБ, ф. 98, № 920, 334 об.). Неслучайно, что первое достоверное употребление этого слова принадлежит именно греку: оно образовано по словообразовательной модели, не чуждой греческому языку, от греческого названия Руси — Ῥωσία, так что это новое торжественное наименование русских, причём православных, оказалось связано с церковнославянской языковой стихией, из которой на протяжении всего XVIII и начала XIX в. подпитывался высокий стиль нарождающегося русского литературного языка. Тому же стилистическому пласту принадлежало и ныне практически вышедшее употребление слово россы, введённое в активное употребление юго-западнорусскими книжниками в антиуниатскую полемику с начала XVII в., и стилистическая конкуренция шла уже между целыми рядами собственных имён и производных от них слов: между названиями государства (Русь vs. Россия), между соответствующими атрибутами (русский vs. российский) и, наконец, этнонимами (русские vs. россияне).

Адъективное происхождение этнонима русские (от устойчивого словосочетания люди русские) вполне нормально и типологически не выбивается из самоназваний других европейских народов, однако в субстантивированном виде данный этноним стал употребляться довольно поздно: первые надёжные, хотя и редкие, фиксации относятся лишь ко второй половине XVI в., а широкое распространение он получил только к началу XVIII в., когда с ним в жёсткую борьбу вступил этноним россияне, господствовавший в русском литературном языке на протяжении всего столетия наряду с атрибутом российский. Совершенно не знал прилагательного русский (и тем более производного от него этнонима) богослужебный язык Российской (или даже Грекороссийской) Православной Церкви, как официально она тогда называлась, вплоть до начала XX в.: «Широкому распространению в гимнографии слов русский/Русь мы обязаны, как это ни парадоксально, влиянию светской культуры» [Кравецкий, 2013, с. 578].

В XIX в. слово россияне практически вышло из употребления в русском литературном языке, в отличие от имени Россия и прилагательного российский, которое постепенно осваивало свою собственную сочетаемость, отличную от сочетаемости прилагательного русский, например: русский язык, русский народ (vs. российский народ — понятие, вызывающее множество споров), русская литература и т. п., но российское правительство, российские товары, российский рубль и т. п., — то есть оба слова противопоставлены по признаку «этническое — государственное», хотя существует и некоторая зона переходности, в которой данное противопоставление снимается (например, русские/российские авторы/учёные —

не только пишущие по-русски, но и работающие в России), не говоря уже о том, что при переводе на основные языки мира разница между русский и российский полностью стирается. В связи с этим нельзя не вспомнить предложений акад. В. А. Тишкова, яркого сторонника общероссийской гражданской идентичности, о правке языка, причём не русского, а английского: «Моя давняя идея ввести новое написание нашей страны *Rossia*, более точно отражающее русское звучание и отличающееся от слова *Russians* (русские), рано или поздно все равно утвердится не только как лейбл на джинсах, но и как мидовская протокольная установка. Не может долго длиться ситуация, когда в русском языке существуют два слова — русский и российский, а, например, в английском языке одно — *Russian*, перевод которого в разных контекстах переводчики никак не могут определить» [Тишков, 2013, с. 11]. К сожалению, в вопросах истории (а тем более будущего) языка В. А. Тишков часто демонстрирует некоторую наивность, особенно когда экстраполирует на конец XVIII — начало XIX в. представления о россиянах и русском народе, характерные для современности, более того — прежде всего для самого В. А. Тишкова [Там же. С. 107–114]. Конечно, ни Карамзин, ни Пушкин не могли вкладывать в эти слова и словосочетания современных понятий общегражданской нации. Кроме того, В. А. Тишковым не учитывается и то, что для некоторых носителей русского языка слово россияне всё ещё остаётся стилистическим синонимом к этнониму русские. Пусть это и реликт языкового узуса, считаться с ним необходимо по весьма веской лингвистической причине: ни в русском языке, ни тем более в других мировых языках не су-

ществует чёткого разделения на односложные термины, обозначающие жителей/граждан определённого государства, и этнонимы как названия представителей господствующей языковой и культурной общности. Точнее, в русском языке только оформляются подобного рода пары (казахи vs. казахстанцы, латыши vs. латвийцы и т. п., но ср.: финны и устар. финляндцы до сих пор такой пары не образовали и остаются стилистическими синонимами). В русском языке процесс дифференциации такого рода терминов был запущен относительно недавно. Первое употребление слова россияне в новом, фактически современном, значении было зафиксировано нами в речи белого генерала А. П. Кутепова 12 мая 1929 г. (опубликована в 1934 г.), причём в Русском Зарубежья. Это новое значение было подхвачено некоторыми общественно-политическими течениями той же эмиграции (например, русскими фашистами в Харбине и Шанхае, которые под россиянами, как и А. П. Кутепов, понимали всех граждан СССР независимо от этнического происхождения, а также участниками власовского движения). Лишь изредка оно употребляется в этом более широком смысле в русской речи метрополии (самый знаменитый здесь пример — строка башкирского поэта Мустая Карима Не русский я, но россиянин в переводе М. Дудина) и до самого начала 1990-х гг. сохраняет значение ‘русские’, например в речи В. Г. Распутина на Первом Съезде народных депутатов СССР 6 июня 1989 г. или в знаменитом воззвании «Слово к народу» 23 июля 1991 г., которое было подписано не только В. Г. Распутиным, но и Г. А. Зюгановы, А. А. Прохановым и другими оппонентами Б. Н. Ельцина (подробнее о новейшей истории слова россияне см. нашу специальную статью [Грищенко, 2012]).

Выходит, если слово россияне ещё не до конца приспособилось к обозначению всех граждан России, то слово русские уже потеряло всякий шансы на это, замкнувшись в сугубо «этническом» значении. Впрочем, возможны некоторые индивидуальные отклонения — в идиолектах различных носителей языка. Так, например, ультралиберальный публицист Антон Красовский, от которого бы ожидалось скорее употребление в большей степени гражданской, нежели «этнической» терминологии, щеголяет необычной для современного узуса сочетаемостью атрибута русский: русская подводная лодка; Люди не верят медицине русской, люди не верят русским правоохранительным органам, люди не верят русской системе образования, люди не верят, что в России может быть лучше, люди не верят, что русские товары — это качественные товары (Эхо Москвы, Особое мнение, 20.10.2014).

В результате пересмотра семантических и прагматических отношений между словами русские и россияне в публичной речи политиков и чиновников, в языке СМИ и в различных жанрах Интернет-коммуникации (сетевые публикации и комментарии к ним, форумы, блоги, социальные сети) стали появляться новые (или переосмысляться старые) альтернативные номинации, обозначающие как собственно русских, так и жителей/граждан России. Наиболее распространены в современной русской речи такие синонимы слова россияне (точнее, совпадающие с ним преимущественно в денотате), как россияне [Варфоломеев, 2004, с. 129], изредка встречалось в русской литературной речи начиная с XVIII в. Будучи в целом достаточно нейтральным, оно (в Интернете часто в написании расійцы) широко

употребляется в разговорной белорусской речи национально ориентированной интеллигенции и в русской речи жителей Белоруссии.

Русисты уже обращали внимание на «пейоративно составленное россияны (в противовес нейтральному россияне)» [Дуличенко, 1994, с. 203], которое в публицистике русских националистов обозначает примитивных и злонамеренных адептов «россиянства», как именуют официальную идеологию Российской Федерации в области национальной политики, заключающуюся в нивелировании этнических различий между гражданами РФ и в создании гражданской нации россиян (часто за счёт русской идентичности, при помощи выдвижения на первый план граждан РФ нерусского происхождения). Деривационный потенциал слова россияне настолько возрос к концу XX в., что, кроме новообразований россияны и нейтрального нероссияне, которые следует признать узуальными, современная русская речь, особенно в Интернете, наводнилась множеством окказиональных его производных с личным значением: россияничи, россиянище, россияноид, россиянички, россиянички, россиянята, недороссияне,

россияндцы, россиянизатор и проч.

Итак, все приведённые нами примеры языкового варьирования и терминологической нестабильности свидетельствуют, во-первых, о неугасающем творческом потенциале русского языка на современном этапе его развития, во-вторых, о существовании множества идеологически окрашенных форм его существования (которые можно было бы назвать «идеолектами»), в-третьих — если окинуть взглядом всю историю слов русские и россияне в русском языке — окажется, что подобные периоды сосуществования и конкуренции этих терминов в нём уже были, а затем сменялись периодами стабилизации, которая, по-видимому, ожидает наше словоупотребление в ближайшем будущем. Самое главное в наблюдаемой нами ситуации — не скатываться к правке языка, не пытаться искусственными мерами обуздать его стихию, чьими носителями являются несколько сот миллионов человек во всём мире, — норма выкристаллизуется с течением времени сама, и единое самоназвание нации российских граждан сформируется вместе с соответствующей идентичностью.

ДРОЗДОВА

Ольга Евгеньевна

кандидат педагогических наук

г. Москва

*Московский педагогический
государственный университет*

o.e.drozдова@mail.ru

МЕТАПРЕДМЕТНОЕ ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В современных стандартах общего образования важнейшее место уделяется личностным результатам образовательного процесса. Например, таким, как:

формирование целостного мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики, учитывающего социальное, культурное, языковое, духовное многообразие современного мира; формирование осознанного, уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку, его мнению, мировоззрению, культуре, языку, вере, гражданской позиции, к истории, культуре, религии, традициям, языкам, ценностям народов России и народов мира... [Федеральный..., 2011, с. 8].

Чтобы представить систему работы, в процессе которой эффективно достигаются эти результаты, назовем еще один личностный результат, указанный в другом нормативном документе — «понимание русского языка как одной из основных национально-культурных ценностей русского народа, определяющей роли родного языка в развитии интеллектуальных, творческих способностей и моральных качеств личности, его значения в процессе получения школьного образования» [Примерные..., 2011, с. 9].

Неформальное отношение к достижению указанных выше результатов требует разработки комплексной системы деятельности с лингвистическим содержанием, которая являлась бы составной частью обучения на уроках не только собственно русского языка, но и других предметов.

Многолетний опыт разработки и использования в школьном обучении русского языка общелингвистического компонента, включающего в себя элементы общего и сравнительно-исторического языкознания [Дроздова, 2009, ... для учащихся...; Дроздова, 2009, ... для учителей...], в условиях внедрения новых российских стандартов общего образования стал основой для выделения работы с языком в разных предметных областях. В настоящий момент активно разрабатывается лингводидактическая модель обучения, названного нами метапредметным обучением русскому языку. В качестве рабочего варианта мы определяем метапредметное обучение русскому языку как совокупность содержательных и методических составляющих, которые объединяют русский язык как предмет изучения и как средство обучения в других предметных областях.

Мы полагаем продуктивной формой реализации метапредметного подхода